

ФИЛОСОФИЯ

УДК 316.77:004.738.5

ТВОРЧЕСКАЯ ЛИЧНОСТЬ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ ДИАЛОГ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

С.А. ДАНИЛЕВИЧ

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Исследуется сущность информационного общества и специфика влияния информатизации жизни на процессы становления и развития современной личности. По мнению автора, в информационном обществе решающую роль в формировании современной творческой личности играет мировоззренческий диалог. Целью такого диалога является прояснение мировоззренческих оснований деятельности субъектов с целью понимания происхождения насущных проблем, что в перспективе позволило бы найти их правильное решение. Мировоззренческое образование современной эпохи с необходимостью должно основываться на применении разного рода диалогов, что в совокупности представляет мировоззренческий диалог, особое двустороннее взаимодействие личности и культуры.

Введение. На современном этапе развития белорусского общества одна из важнейших задач, стоящих перед системой образования, – формирование творческой личности, которая была бы способна не только аккумулировать в своем сознании ряд существенных ценностей, созданных человечеством, но и творчески, по-новому их переосмыслить применительно к новым условиям социальной, политической и, в том числе, образовательной практики. Личность проявляет себя в первую очередь как совокупность социальных свойств человека, особый продукт общественного развития и результат включения индивида в систему социальных отношений посредством активной деятельности и общения. Такой подход к рассмотрению понятия личности предусматривает прежде всего социокультурную обусловленность процессов формирования последней. Жизнь социума в информационную эпоху подвергается виртуализации, что выражается в подмене жизненных реалий особыми образами-симуляциями, которые вызваны к жизни новыми способами мироотношения и управления в постиндустриальном обществе. Внедрение в повседневную жизнь компьютерной техники, всечасное стимулирование дистанционных форм и методов организации хозяйственной деятельности – все это в той или иной степени способствует формированию виртуальной реальности, в которую постепенно погружается общество, уходя от реальных вещей, замещающая их иллюзорными образами, населяющими компьютерные сети.

Основная часть. Ценность этой новой реальности значительно возрастает в силу того, что эта реальность оказывается соразмерна с человеком, который способен задавать ее основные параметры, «кликака» по кнопкам. В информационном обществе, как полагает А.С. Горинский, «реальное оказывается даже не продуктом технологии, сколько самой продуцирующей себя технологией, воспринимаемой как «усовершенствование» реальности (интерактивность)» [1, с. 19]. Человек постиндустриальной эпохи осознает то, что новая реальность может быть легко изменена, например, с помощью набора особой комбинации клавиш на клавиатуре компьютера, когда какой-нибудь ловкий хакер задает удобные для себя новые параметры функционирования целой области этой виртуальной реальности. Как отмечает В.В. Тарасенко, «человек кликающий» выстраивает кнопочными интеракциями становящееся перед ним пространство и время, т.е. пространство и время связываются в целостность, структурируются через человеческие коммуникации» [2, с. 118]. И самое страшное в этих процессах то, что для погруженного в виртуальность индивида живые люди превращаются в элементарные объекты, образы виртуальной реальности, утрачивая свою «реальную» человеческую ценность, приводя к кризису индивидуальной и социальной идентичности. По мнению В. Хесле, основными причинами этого кризиса в современную эпоху являются «отрицание символов, распад коллективной памяти, представленной традициями, а также утрату веры в общее будущее, дисгармонию между описательным и нормативным образами себя, прерывность в истории, несоответствие между представлением культуры о самой себе и ее образами в других культурах, наконец, чувство неполноценности относительно более совершенной культуры» [3, с. 121]. Все перечисленное усугубляется тем влиянием, какое современная технология способна оказывать на отрицание индивидом тех традиционных моральных ценностей, признание значимости которых определяет его становление в качестве зрелой личности. Этот аспект проблемы подробно рассматривает Бодрийяр, приходя к выводу о

том, что в настоящее время «эра симуляции повсюду открывается возможностью взаимной подстановки элементов, которые раньше были противоречивыми или диалектически противоположными... В нашей системе образов и знаков исчезают все основные гуманистические критерии ценности, определявшие собой вековую культуру моральных, эстетических, практических суждений. Все становится неразрешимым – характерный эффект господства кода, всецело основанного на принципе нейтрализации и неотличимости» [4, с. 55 – 56].

В информационном обществе возникает свобода доступа к информации, которая является как источником отчуждения индивида от продукта своего труда, так и создает дополнительные сложности для его становления как личности вследствие давления «отчужденных» ценностных представлений. Также информационная эпоха с ее культом техники и информационных технологий способна негативно воздействовать на психосоциальную структуру личности именно вследствие специфической механической организации производства и быта. Так, по мнению Т. Имамичи, «механическое окружение, технологическое единообразие как новый способ коллективной идентификации – это искусство уничтожения личностных характеристик, поскольку ультрасовременные технологические процессы управляются не чьей-то личностью, а только пальцами» [5, с. 82]. А это приводит к отчуждению человека от человека в сфере коммуникативного взаимодействия. Следовательно, от современной личности требуется огромное внимание к процессам информатизации жизни общества и четкое осознание ответственности за свое будущее, которую нельзя перекладывать на плечи пусть даже самой совершенной машины или технологии.

В новых условиях стандартизации, унификации явлений и смыслов, имеющих культуuroобразующее значение, личность, или, вернее, индивид, претендующий на данное звание, сталкивается не только с трудной задачей самоидентификации среди однообразно существующих себе подобных, но и с проблемами личностного творческого роста, утверждения себя в свободном порыве реализации своих креативных и когнитивных потенциалов.

Здесь появляется широкая возможность моделирования собственного бытия, его видов и концептов, что предусматривается самой организацией социальной действительности в информационном обществе и обеспечивается интерактивностью и виртуальностью бытия, что требует от индивида, живущего в стремительно виртуализирующемся мире, осуществлять не только личный мировоззренческий выбор, но и создавать свой собственный вариант мира, непрестанно его совершенствуя и преобразуя. В свете синергетической парадигмы развития современной науки оформляется новое видение мира в информационную эпоху. По выражению И. Пригожина, «вырисовываются контуры новой рациональности, к которой ведет идея нестабильности» [6, с. 51]. Организация порядка в беспорядочном мире оказывается целиком зависима от человека, способного открывать новые законы и упорядоченности. При этом немаловажное значение имеет отношение индивида к моральным ценностям как традиционным, так и вновь создаваемым личностью во внутреннем пространстве собственного виртуального мира. Таким образом, в современной ситуации информационного развития общества востребованным является особый тип личности, от которой требуются особые умения творить новую реальность и отношение к этому новому миру и другим людям – *креативная личность*.

Свободное мышление без оглядки на авторитеты и апелляции к устоявшимся нормам культурной традиции, требующей строго определенного отношения к миру и другим людям, присуще творческой личности, которая сама выбирает для себя возможные направления жизни и творчества. Следовательно, возникает необходимость более подробного рассмотрения проблемы взаимоотношений индивида и культурной традиции. Культура не только развивается, но и существует, прежде всего в своем личностном измерении. Однако культура предстает не только в качестве мировоззрения отдельной личности и ее творческих либо познавательных свершений, но и как процесс постоянного взаимодействия между субъектами культуротворческого процесса, т.е. диалог. Одним из результатов этого диалога может стать обретение становящейся личностью смысла своего бытия.

Однако субъективизм в определении смысла бытия приводил и приводит до сих пор к появлению весьма разнородных и противоречивых концепций или, выражаясь словами Дильтея, «к хаосу философских систем». Г.-Г. Гадамер, в целом разделяя данную оценку состояния философской мысли минувшего столетия, отмечал, тем не менее, позитивное значение той вариативности в определении сущности бытия, которая имеет место в современной философии: «Отход от античного космического мышления, в рамках которого человеку было отведено особое место во взаимосвязи всего сущего, а каждому сущему задана цель совершенства, придает миру, переставшему быть прекрасной упорядоченностью абсолютных целей, новую красоту, делая его целесообразным для нас» [7, с. 94]. Эта «целесообразность» определяется человеком через многообразие культурных значений, посредством которых, по Гадамеру, «природа, будучи прекрасной природой, обретает язык, обращенный к нам» [7, с. 94]. В таких условиях для отыскания смыслонаправленности человеческого бытия необходимо выработать подход, который позволил

бы, отталкиваясь от культурного значения, преодолеть кантовскую разведенность мира на феноменальный (данный в культурном значении или возможный в нем) и ноуменальный (по выражению Ю.М. Лотмана, «фатально запредельный культуре»). Такую разведенность невозможно преодолеть, если рассматривать культуру как текст, существующий в рамках одного языка. Но диалогический подход позволяет, по мнению Лотмана, «создать возможность прорыва в запредельное пространство», так как культура, если ее понимать в качестве сложной структуры взаимно дополняющих друг друга текстов, «все время «играет» с внележащим... пространством, то втягивая его в себя, то выбрасывая в него свои уже использованные и потерявшие семиотическую активность элементы» [8, с. 43].

Таким образом, при рассмотрении современного состояния культуры с целью прояснения способов ее бытия, можно сформулировать вывод о том, что в XXI столетии культура может быть определена как поле выбора из множества возможных путей развития, из множества ставших и возможных еще культурных форм. При этом культура выступает в качестве поля диалога культурных традиций и их возможных трансформаций, а на уровне индивида проявляется как форма одновременного общения в сознании одного субъекта голосов людей различных эпох, когда в каждый момент, определяемый как момент мысли, поступка, происходит акт постоянного спора, соотнесения себя с тем, что когда-то было уже явлено в пространстве своей или иной культуры. Так, Поль Рикер приходит к выводу о том, что для современной личности «понимание уже не является способом познания, а становится способом бытия, такого бытия, которое существует, понимая» [9, с. 10].

В основе этой способности понимания лежит стремление индивида приобщиться к миру надприродных ценностей, которые вырабатываются и заключены в рамках культуры. При этом в процессе такого приобщения индивид производит своеобразный отбор тех компонентов, с которыми надлежит не просто ознакомиться, но взять на вооружение в практической деятельности и сделать частью самого себя в виде самых общих принципов своего бытия. Среди наиболее важных элементов здесь следует выделить духовные, нравственные принципы, убеждения, идеалы и ценности, которые образуют ядро мировоззрения личности. Понимание бытия в XXI веке как многообразия культурных значений предопределяет важную роль синтеза в сознании индивида основных положений философских, естественно-научных, культурологических, психологических и обыденно-практических подходов к рассмотрению проблемы устройства мира. В результате такого синтеза осуществляется приход к пониманию личностью сущности собственного бытия.

Библер и теоретики его школы склонны рассматривать культуру как исчерпывающее «онтологическое определение бытия человека» [10, с. 39], что подразумевает выявление сущности бытия посредством интерпретации символов и текстов, заданных культурной традицией. Как справедливо полагает Н.Л. Евдокименко, «значимость идеи образования как мира Иного в том, что оно (образование) учит мыслить в соответствии с определенными правилами и нормами» [11, с. 56]. Главной на этом этапе становления творческой личности становится, таким образом, задача создания условий для продуктивного диалога субъекта мировоззренческого образования с носителями (представителями) культуры. Таким образом, диалогическое взаимодействие субъектов образования является реальным источником вариативности понимания культурного текста и, следовательно, необходимым фактором становления фундамента подлинно творческого не dogматического мировоззрения личности.

Следовательно, личностное творчество представляет собой в настоящее время особое мировоззрение, организованное на основе необходимых диалогических взаимодействий с представителями разнообразных культурных измерений. Личность в данном случае выступает как саморазвивающаяся система в рамках координат, заданных культурой, с одной стороны, и как поле диалога с носителями культурной традиции, в общении с которыми индивид приобретает материал для самоанализа, – с другой.

Однако в обществе с преобладанием рыночных ценностей всевозрастающее стремление к потреблению в значительной степени затрудняет для индивида вступление на равных в диалог с другими. Здесь живое человеческое общение подменяется лицемерием и скрытой враждой потребителей и эксплуататоров – враждебное противостояние субъектов ставит под сомнение саму возможность мировоззренческого диалога как фактора формирования творческой личности. Общность потребительских интересов в условиях современного общества с рыночной экономикой становится если и не единственным, то одним из важнейших стимулов личностного творческого роста. Действие такого рода стимулов осложняется тем, что для эгоиста-потребителя мир уже готов, он уже состоялся, закончился в конкретных вещах, которые имеют свою принадлежность и цену. Направленность творчества меняется – созидание, выявление новых аспектов личного и социального бытия во имя и в интересах человечества подменяется деятельностью по удовлетворению собственного корыстолюбия, пусть и с сопутствующим саморазвитием личности.

Таким образом, тот тип индивида, который формируется в современном обществе и может быть охарактеризован как «индивид-атом», замкнутый на самое себя, как индивид-эгоист, потребитель, – этот

тип не предрасположен к самореализации в творчестве. Он в целом не готов к построению живой человеческой связи с другими людьми, которая основывалась бы на гуманистических стремлениях и идеалах, что, в конечном итоге, осложняет вступление его в продуктивный мировоззренческий диалог и формирование творческой личности.

Несколько по-иному выглядит тип связей индивида с другими людьми, который отнюдь не определяется как самовлюбленный эгоизм и замкнутость на собственных желаниях – как это было в случае с «индивидом-массой». Тип связей, который в большей степени располагает индивида к установлению связей сотворчества с другими людьми, основывается, по мысли Г.С. Батищева, на некоей независимости от самого индивида его отчужденности от других, но в этом нет вины самого индивида, напротив, так просто складывается жизнь: «Утратив былую близость, но все еще не найдя новой, человек пребывает в онтологическом одиночестве, «отщепенстве», как если бы весь мир отодвинулся и отстранился от него», однако такое одиночество, по мнению философа, представляет собой *«всецело и только вынужденное одиночество – одиночество бытия в искании»*, которое все проникнуто напряженным тяготением к самопреодолению, к выходу из такого состояния» [12, с. 115]. «Индивид-атом», который в силу обстоятельств жизни вынужден пребывать в поиске своей орбиты, своего, еще не сложившегося окончательно, мира ценностей, который бы позволил ему обрести себя в качестве субъекта творческой деятельности и свободы. Однако такое обретение невозможно без сопоставления своих ценностных установок с другими, носителями которых являются иные субъекты, взгляды которых заслуживают внимания и подробного анализа. Отсюда те связи «индивида-атома» с другими людьми, которые выступают в роли «спутников и относительных союзников по процессу искания», получают у Батищева название *«раскрыто-атомистических»* [12, с. 115]. Этот тип связей между людьми способствует замыканию индивида в самом себе, но происходит это лишь на какой-то период, до тех пор, пока новые люди и новые, более значимые для личностного роста ценности не входят в жизнь индивида как побуждение, стимул к творчеству.

«Раскрыто-атомистический» тип индивида устремлен к формированию закрытого, самодостаточного мира своего личного бытия, но при этом оказывается принципиально не способен на завершение этой великой работы, иначе говоря, стремится уйти в покой самодостаточности. Для обретения этого покоя он принужден постоянно вести беспокойную жизнь в определении условий и оснований для спокойного бытия. Индивид пребывает в состоянии поиска абсолютного смысла жизни и тех ценностей, которые послужили бы оправданием его «атомизма». Как отмечает Батищев, современный субъект рассматриваемого здесь типа социального взаимодействия потенциально может быть одной из сторон межличностного диалогически-творческого общения, так как его самостоятельность, его своеобразие «принципиально *не-своецентрично*, но предполагает и ценит субъектный поли-центризм, множественность субъектов» [12, с. 118].

Жизнь такого субъекта состоит в постоянном исходе из собственной замкнутости в поисках приемлемых для себя идеалов и смыслов, которые обретаются лишь в общении с субъектами – носителями неизвестных ранее ценностей и представителями иных мировоззренческих позиций. «Раскрытый индивид-атом» всем своим существом устремлен к установлению живой, бытийно-оправданной и аксиологически значимой связи с другими субъектами и в этом своем стремлении раскрывается как возможный субъект диалога о ценностях, в том числе и мировоззренческого порядка.

Однако незамкнутый индивид с легкостью способен в силу своего стремления к обретению подлинных ценностей личностного бытия увлечься ощущением своей нарастающей силы и могущества в обретении новых ценностей и, приписав заслугу этого исключительно себе самому, погрузиться в пучину переживания собственного величия и самозначительности. По мнению Батищева, «так может происходить многократно – отнюдь не только в знаменитый кризисный период в конце второго семилетия (так называемый «переходный возраст»), но также и при любой *неравномерности* восхождения на духовном пути: чем ускореннее оно, тем сильнее риск впадения в эйфорию, толкающую к монологизации» [12, с. 117]. Применительно к «индивиду-атому», включенному в «раскрыто-атомистические» социальные связи, можно говорить лишь о его склонности к диалогическому взаимодействию с другими, но лишь в том случае, если для этого появилась реальная необходимость в силу изменившихся обстоятельств жизни, предопределивших новую экзистенциальную ситуацию, разрешимую единственно ценой пересмотра базовых мировоззренческих ориентаций субъекта.

Третий тип индивида, который является наиболее продуктивным с точки зрения его предрасположенности к творчеству и сотрудничеству с другими, – это, по мнению Батищева, «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов», причем их «производительность» наделяется атрибутами одновременно и связей органических, и связей атомистических» [12, с. 92]. Здесь философ обращается к философскому наследию Карла Маркса, связывавшего становление этого нового типа личности с коренным изменением всего социального строя, выражающимся в обретении индивидом

подлинной свободы, которая «начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью» или «по ту сторону собственно материального производства» [12, с. 92 – 93]. Именно в таких условиях, когда нет жесткого детерминирования способа существования, возможен свободный выбор, полагаемый важнейшей предпосылкой творческой способности субъекта. Индивид, таким образом, прежде чем он станет творцом, должен быть предоставлен самому себе для того, чтобы обратиться к тому занятию, которое соответствует его сущности. Не имея пространства для экзистенциального самоопределения, индивид не сможет состояться даже как личность-для-себя, так как не будет в состоянии выйти за пределы собственной ограниченности, подкрепленной внешней необходимостью, не говоря о том, чтобы вступить в диалог с другими.

Иными словами, свобода в выборе деятельности предопределяет саму возможность открытого творческого взаимодействия индивида с другими людьми. Это позволяет говорить здесь о синтезе отношений коллективной принадлежности и атомистических связей в структуре социальных отношений третьего типа личности, который можно характеризовать как тип *творческий*. Сущность его определяется Батищевым как «способность к связям универсального общения – преемства и со-творчества, актуализуемым универсальной деятельностью» [12, с. 93].

Здесь на повестку дня встает вопрос о тех средствах, которые обеспечили бы саму возможность творчества личности, подразумевая не просто некую закрытую от всех «внутреннюю работу», а подлинное изменение мира вещей и мыслеобразов, доступных для понимания и освоения другими людьми. Такое действие, направленное на активное творческое преобразование действительности, не может состояться вне равноправных по своей природе связей с другими людьми, более того, сама личность не может состояться как таковая вне сферы межличностного взаимодействия.

Творческая личность обретает самую себя лишь в таком преобразовании действительности, которое находит свой живой отклик в других людях, служит делу прогресса в культуре и в созидании свободы для всех. Э.В. Ильенков также, говоря об условиях появления творческой личности, отмечает, прежде всего, те коммуникативные факторы социальной жизни, которые предопределяют востребованность творчески ориентированного индивида: «подлинная личность, утверждающая себя со всей присущей ей энергией и волей, и становится возможной лишь там, где кончился период застоя, господства косных штампов и настала пора революционного творчества, лишь там, где возникают и утверждают себя новые формы отношений человека к человеку, человека к самому себе» [13, с. 412]. Условия переходного периода в жизни общества, о которых пишет Ильенков, как нельзя более благоприятствуют для пересмотра мировоззренческих оснований человеческой деятельности, межличностных отношений и даже, в некотором смысле, сложившейся картины мира.

Заключение. В условиях, когда перед человечеством встают общие проблемы, едва ли разрешимые в масштабах одной страны, одной, пусть и великой культуры, одной, пусть и достаточно обоснованной точки зрения, – в таких условиях необходим не просто плюрализм мнений, но отчетливое понимание тех целей и задач, которые надлежит решать. При этом основным фактором, определяющим ту или иную позицию, является тот способ видения мира, на основе которого и строится практическая и теоретическая деятельность. Отсюда вытекает мысль о том, что без определенного мировоззренческого обмена мнениями нельзя достичь необходимых позитивных результатов во всестороннем осмыслении проблем современного информационного общества и поиске путей их решения. Следовательно, для решения поставленных задач необходим особый, *мировоззренческий диалог*, представляющий собой двустороннюю смысловую связь между субъектами – сторонниками различных мировоззренческих и аксиологических ориентаций. Целью такого диалога является прояснение мировоззренческих оснований деятельности субъектов с целью понимания происхождения насущных проблем, что в перспективе позволило бы найти их правильное решение.

В современных условиях в Республике Беларусь тенденция к формированию творческой личности укрепляется в силу целого ряда факторов, к числу которых следует отнести:

- насущную необходимость пересмотра основополагающих аксиологических и мировоззренческих установок на основе личного мировоззренческого синтеза в активном преобразующем диалоге с представителями различных концепций понимания бытия с целью обретения жизненного смысла, которая возникла на постсоветском пространстве в связи с крушением и последующим закономерным пересмотром прежних идеалов и ценностей;

- поликультурный ацентризм в Беларуси, который выступает в качестве предпосылки диалога мировоззрений;

- высокий уровень информационной культуры населения нашей республики, что способствует развитию продуктивного информационного общения в режиме диалога;

- сложную экономическую ситуацию переходного периода, которая заставляет наших современников прилагать максимум усилий для преобразования мира своего личного бытия, стимулирует творческую активность субъекта, вследствие чего следует ожидать появления новых продуктивных форм мировоззренческого диалога.

С позиции синергетического подхода к анализу социокультурной ситуации на постсоветском пространстве следует также подчеркнуть то обстоятельство, что эпоха хаоса, которая проявляется в смене и неустойчивости социокультурных парадигм, облегчает процесс становления творческой личности, позволяя осуществлять свободный выбор из множества возможных вариантов.

Мировоззренческое образование современной эпохи с необходимостью должно основываться на применении разного рода диалогов (диалог философов-теоретиков; диалог культур; внутренний диалог – «солилоквиум»; молчаливый диалог – «обмен состояниями души»; герменевтический диалог «читатель – автор»), что в совокупности представляет мировоззренческий диалог – особое двустороннее взаимодействие личности и культуры, результатом которого является не только построение основания мировоззрения современной творческой личности, но и изменение самой культурной традиции, что означает приведение ее в соответствие с духом времени и изменившимися духовными стремлениями современного человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горинский, А.С. Понятие виртуального бытия: поливариантность эволюции: автореф. дис. ...канд. филос. наук: 09.00.01 / А.С. Горинский; Уральский гос. ун-т. – Екатеринбург, 2004. – 26 с.
2. Тарасенко, В.В. Антропология Интернет: самоорганизация «человека кликающего» / В.В. Тарасенко // *Общественные науки и современность*. – 2000. – № 5. – С. 111 – 120.
3. Хесле, В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хесле // *Вопросы философии*. – 1994. – № 10. – С. 112 – 123.
4. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
5. Имамичи, Т. Моральный кризис и метатехнические проблемы (предисл. к публикации А.Л. Доброхотова) / Т. Имамичи // *Вопросы философии*. – 1995. – № 3. – С. 73 – 82.
6. Пригожин, И. Философия нестабильности / И. Пригожин // *Вопросы философии*. – 1991. – № 6. – С. 46 – 52.
7. Гадамер, Г.-Г. Истина и метод / Г.-Г. Гадамер. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
8. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – М.: Гнозис, Издат. группа «Прогресс», 1992. – 272 с.
9. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995. – 416 с.
10. Школа диалога культур. Основы программы / под общ. ред. В.С. Библера. – Кемерово, 1992. – 126 с.
11. Евдокименко, Н.Л. Образование как мир Иного / Н.Л. Евдокименко // *Адукацыя і выхаванне*. – 2004. – № 1. – С. 52 – 56.
12. Батищев, Г.С. Социальные связи человека в культуре / Г.С. Батищев // *Культура, человек и картина мира*. – М.: Наука, 1987. – 350 с.
13. Ильенков, Э.В. Философия и культура. / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

Поступила 15.12.2006